

© 1994 г. О.Н. ТРУБАЧЕВ

МАРГИНАЛИИ К НОВОМУ "ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ ДРЕВНЕИНДОАРИЙСКОГО ЯЗЫКА" М. МАЙРХОФЕРА

Одним из значительных событий индоевропейского сравнительного языкознания последних лет стала продолжающаяся публикация нового труда М. Майрхофера – "Этимологического словаря древнеиндоарийского языка" [1]. Разумеется, это специальное и капитальное (в нескольких томах) издание заслуживает, чтобы о нем отозвались наши специалисты-индологи, к которым автор этих "маргиналий" не может себя причислить. Об этом я и сказал лично М. Майрхоферу при встрече в Вене в конце сентября – начале октября 1991 г. по случаю проведения там этимологической конференции к столетию со смерти Миклошича. Но ответные аргументы венского индоевروпеиста (издатель большого Этимологического словаря славянских языков должен иметь под рукой этот словарь, а для получения *Rezensionsexemplar*'а необходимо дать хотя бы короткую рецензию) меня почти убедили, тем более, что у нас рецензии на этот словарь еще не появлялись, в отличие от Запада (ср., например, рецензии Ф. Бадера на новый словарь М. Майрхофера, публикуемые из года в год в "Бюллетене Парижского лингвистического общества").

Я избрал для себя достаточно трудоемкий способ параллельного чтения обоих трудов Майрхофера – его ранее изданного "Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка" [2] и вышеупомянутого нового. Это чтение оказалось чрезвычайно поучительным для меня лично, дав пищу для разнообразных наблюдений, т.е. в конечном счете и для рецензии тоже. Но особенно важной мне показалась возможность продолжить принципиальный разговор об этимологической лексикографии, имея в виду и собственный опыт, и интерес, обнаруженный Майрхофером в некоторых сопутствующих публикациях, включая важный обмен мнениями между Майрхофером и Унтерманом. Именно это и побудило меня, в конце концов, взяться за дело, несколько медленное исполнение которого извиняется тем, что оно не является собственно рецензированием, хотя и включает его элементы. Я начну с них, чтобы перейти потом к вопросам, которые занимают, как представляется, не меня одного.

Из предисловия к новому словарю Майрхофера мы узнаем, что "«Этимологический словарь древнеиндоарийского языка» не является новым изданием "Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка". С этой более ранней книгой его объединяют только предмет исследования и автор» (*Vorbemerkungen*, S.IX). Ф. Бадер, рецензент словаря Майрхофера, солидарна с тем, как автор дистанцируется от своего предыдущего словаря [3]. И все-таки трудно отделаться от впечатления, что мы имеем перед собой в немалой степени то, что можно было бы принять за новое (второе) издание уже известного древнеиндийского этимологического словаря. Тот же (как уже сказано самим автором) предмет, тот же запланированный автором трехтомный объем словаря "древнего языка" (*Ältere Sprache*), наконец, тот же (опуская детали) словник из заглавных слов письменного древнеиндийского языка. Последнее кажется весьма существенным, поскольку само понятие "древнеиндоарийский" тяготеет к сфере праязыка и вполне допускает трактовку соответствующего словника как реконструкции. Заглавных форм под звездочкой в новом индоарийском словаре Майрхофера практически нет. Редкие случаи реконструированных индоарийских форм запрятаны внутрь словарных статей, ср. s.v. *JAN*¹ (S.568): «indoar. viell. *nava-jñ-a- "neugeboren"» (вслед за Тернером).

Надо отдать должное Майрхоферу, который предстает перед читателем как исключительно объективный, строгий к себе самому исследователь, который не щадит своего собственного предыдущего детища и прямо указывает, что в нем кажется ему теперь нелепым или "непонятно почему воспринятым" от других авторов (s.v. *kúśala-*, S.379), или "праздным глоттогоническим сопоставлением" (Bd.II, S.13, s.v. *NABH*). Признавая, вслед за автором, начальные слабости его первенца – "Этимологического словаря древнеиндийского языка", – к осуществлению которого Майрхофер приступил еще в свои студенческие годы (!), все же считаю здесь необходимым отметить, что он завершил его на достаточно высоком уровне и заслужил этим глубокую благодарность всех, кто этим словарем пользуется вот уже десятки лет.

Явное стремление Майрхофера при составлении нового своего словаря отталкиваться в том или ином смысле от своего же древнеиндийского этимологического словаря не заслоняет от нас того существенного обстоятельства, что оба словаря как бы взаимодействуют. Уже упомянутое выше параллельное чтение приводит нас далее к не менее важному заключению, что хотя новый словарь в одних случаях содержит новые решения, дает новые материалы, новую, улучшенную этимологизацию, в других (как представляется, не менее многочисленных) отказывается (без достаточных оснований) от прежней здоровой трактовки, предпочитает не самые удачные решения, чрезмерно расширяет практику корневой этимологии. О последнем приеме и о том, что от этого страдает, мы еще будем говорить специально дальше, теперь же – ряд избранных постраничных иллюстраций к сказанному выше и другие замечания о новом словаре Майрхофера.

S.89: *apvā-* "паника, смертельный страх", с уточнением значения против "Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка" (далее KEWA) I, 40: a° "название какой-то болезни".

S.89–90: *apsarās-* название женских дхвов. Тесная связь с водой и, естественно, с *ār-* "вода", признаваемая в KEWA I 40–41, здесь подвергается сомнению со стороны грамматики.

S.90: *āpsas-* "грудь, лоб, передняя сторона", оставляемое в KEWA I, 41 без объяснения, сближается, вслед за Бейли, с осет. *æfсæg* "выдающаяся часть тела, шея".

S.102: вместо *ēti* – 3 л. ед. ч. наст. вр. (KEWA I, 128), дана статья с заглавным корнем *AY¹* "идти".

S.112: *aritār-* "гребец", *aritra-* "весло" совмещены в одной статье; KEWA I, 49 трактует их раздельно как самостоятельные позиции.

S.114: *arghā-* "стоимость, цена"; сближение с именными же соответствиями литов. *algà* "награда, жалование", греч. *ἀλγή* (см. KEWA I, 50) здесь отсутствует, будучи перенесено в корневую статью с глагольным этимологом *ARH* (S.124) "заслуживать, стоять".

S.116–117: *ārṇa-* "волнующийся; волна, пучина, поток"; сравнение с хетт. *aruna-* "море" (KEWA I, 51) отсутствует.

S.191: *īndu-* "капля; луна"; оставляется без всякого толкования. Ср. KEWA I, 88 с обзором литературы.

S.231, s.v. *ulūkhalā-* приводится неизвестное мне «*russ. vol "Walze"*».

S.291: *kāṇa-* "зерно, семя" признается неясным, причем автор готов прибегнуть к умозрительной этимологии из незасвидетельствованного **kāna-* "маленькое", сюда же *kāñīyas* "меньший", оставляя без объяснения церебральность *-ñ-*. Кажется нелишним напомнить, что к древнеиндийскому названию зерна и семени относится и индоиранское название конопли (как семенного растения) **kana-*, откуда осет. *gæ n/gæ næ* "конопля" и, возможно, далее, греч. *κόνις* "пыль", лат. *cinis* "зола"; при этом упомянутая церебральность объяснима экспрессивностью значения и употребления слова,

ср. как эквивалент последней геминацию в греч. κάπναβις "конопля" из "скифского" источника [4].

S.300–301: *kapi-* "обезьяна". "Неясно". Проблематичными сочтены отношения к созвучным названиям обезьяны в греческом и семитских, а также в германском (нем. *Affe* и родственные). Автор полностью обходит молчанием версию "общеиндоевропейского названия обезьяны" у Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова [5].

S.317: *kartd-* "яма, дыра". Сохраняется сближение с мл.-авест. *vouru kaša-* "имеющий широкие заливы (о Каспии)" (ср. KEWA I, 173). Но, может быть, последнее относится к др.-инд. *kakṣa-*?

S.358: *kīstā-* "певец панегириков, поэт". "Не прояснено". Можно попытаться объяснить как **kī-stā(va)-* "кого славящий?". Ср. *stava-* "хвала". Мнимая фонетическая необязанность непалатализованного *k-* перед *-i-* (там же) как раз объяснилась бы как архаизм в вопросительном местоимении *kī-* [1, S.347, s.v.].

S.368: *kūbha-* "название какой-то реки, предположительно реки Кабул". Думается, автор излишне строг, отвергая всякие "попытки обнаружить это **kubhā* за пределами Индии [в названиях Кубани, Буга (Южного), Кумы]".

S.372–373: *kūla-* "сотрапезники". Литов. *kūrtas* "борзая собака", несомненно, заимствованное из слав. *хътъъ, вопреки В.П. Шмиду [6], необходимо удалить тем самым из числа аргументов в пользу произведения *kūla-* из и.-е. **kur-*.

S.424: *kṣāp-* "ночь". Кажется, напрасно опускается важное сближение с европейскими названиями вечера и прежде всего – с греч. ἑσπερα, лат. *ve-sper* (см. KEWA I, 285, вслед за Гётце), речь, видимо, идет о потенциальном префиксальном сложении – и.-е. **ye-ks(e)per*.

S.428–429: *KṢAR* "течь", *kṣāratī*, *KṢAL*. Остается неясным, почему предпочтение отдано громоздкой консонантной реконструкции **dʰgʷʰer* (**gʷʰper*), а, скажем, не более логичной конструкции "преформант" *k-* + *sar-/sal-* "течь"?

S.462: *gandharvd-* "название мифических существ". Соответствующая статья в KEWA I, 321–322 информативнее хотя бы в том отношении, что уделяет внимание роли табуистических искажений для понимания этого слова.

S.481: *gávya-*, *gavyá-*..., s.v. *gáv-*. Типичный пример лексикографического обеднения, сравнительно с KEWA I, 332, где, вместо упомянутой отсылки, проводится сравнение идентичных или однотипных производных в ряде языков: кроме авест. *gavyō-* "коровий", также еще арм. *kogī-* "(коровье) масло", греч. -βοιος в сложениях.

S.486: *GĀN* "погружаться в воду". Для суждений об этом лексическом гнезде существенно, что славянские соответствия распространены не только в южнославянском, но шире, (см. [7], где приводится блр. диал. *gaz* "брод" с дальнейшей литературой).

S.691–692: *daṇḍā-* "палка, посох", *dāṇḍāna-* "вид тростника". "Не объяснено". В решении вопроса об этимологии, в частности как критерий для окончательного отвода сближений с греч. δένδρον "дерево", δένδρε(ρ)ον, и.-е. **der-dreuo-* или догадок о неиндоевропейском происхождении призвано играть важную роль местное название *Daṇḍāka-*, название леса в Деккане, здесь Майрхофером опущенное (но см. KEWA II, 11, где, правда, дана реконструкция и этимологизация **Dandra-ka-* "voll von Baumen") Думаю, что конец этим всем домыслам кладет более внимательный учет побочной традиции (*Nebenüberlieferung*) в виде северопонтийского индоарийского реликта Δανδακτῆ, местность в Херсонесе Таврическом, т.е. в Крыму (Ptol. III, 2, 6), по-видимому, тождественная одной из тамошних трех страбоновских гаваней. Предпринятая мной идентификация птолемеевской Δανδακτῆ и, в сущности, калькирующего ее сохранившегося поныне местного названия *Камышовая бухта* (в городской черте Севастополя) неуклонно возвращает нас к пониманию индийского *Daṇḍāka-* как изначального "тростниковый, камышовый (лес)", а не "лес, полный деревьев" (!). См.

специально [8]. Обращаю внимание на изложенные выше данные еще и потому, что знаю о неприятии Майрхофером тезиса о наличии в Северном Причерноморье индоарийских языковых следов.

S.755–756: *DRAV* "бежать, спешить". Еще один (из многих) пример той тенденции к лексикографическому обеднению, которую мы наблюдаем при сравнении нового словаря Майрхофера с его предшествующим словарем. Автор упоминает о вхождении индоевропейского корня **dreu-* в древнеевропейские гидронимы *Dravos, Druentia, Druta* в конце словарной статьи. Но это не ослабляет негативного итога его отказа от особой словарной статьи о словообразовательном производном *dravantī* "река", собственно "бегущая, текущая", сравнимом с европейскими названиями рек – галл. *Druentia*, польск. *Drwęca* (KEWA II, 73).

S.764–765: *dvar-* "дверь, ворота". Статья выглядит свернутой сравнительно с KEWA II, 83–84, в частности, урезаны попытки объяснения, почему реально представлена как бы дезаспирированная форма, вместо ожидавшейся закономерной **dhvār-*.

Bd II, S.17 и сл.: *NAY* "вести, направлять", там же, далее, обзор индоарийских, иранских и хеттских соответствий, объединяемых глагольным корнем и.-е. **neǵH-*. Здесь было бы полезно упомянуть о праслав. диал. **něti* "нести, приносить", сохраненном только в сербохорватском, в связанных формах вроде *zānjeti* "понести, забеременеть" [9].

Теперь я намерен затронуть практически еще только одну проблему этимологической лексикографии – сначала в том виде, в каком она решена или могла бы быть решена в новом словаре Майрхофера, если бы не дала себя знать авторская установка на большую компактность, обернувшаяся потерями, которые мы формулируем как лексикографическое обеднение. Эту проблему мы кратко рассматриваем далее на фоне лексикографических дискуссий нашего времени, в которых, как всегда, наверное, в подобных случаях, проявляются склонности и к минимализации, и к максимализации. Последняя, по всей вероятности, наиболее полно формулируется в виде принципа: одно слово – одна словарная (этимологическая) статья. Как любая крайняя точка зрения она подвержена различным ограничениям и оговоркам, которые сводятся к указанию на возможность параллельных (независимых) новообразований в разных языках, не говоря о сомнительных случаях. И тем не менее целиком удовлетворяться в этом вопросе только позицией сомневающегося (во многом, я согласен, удобной) на практике – да и в теории тоже – означало бы только одно: помеху в деле создания многих поучительных страниц этимологической лексикографии, к тому же, страниц новых. Конечно, и тут самый благой путь пролегает, скорее всего, где-то посредине, не сливаясь ни с одной, ни с другой крайностью. Но о деталях дискуссии – несколько позже, а сначала, признав реальность тенденции к дальнейшему расчленению словника также в этимологической лексикографии, обратимся к конкретному материалу на эту тему, который составили мои *Lesefruchte* – плоды параллельного чтения обоих названных словарей. Предлагаемый материал – это результат отбора, за рамками которого остались случаи, вызывающие сомнение, как, например, следующий, возможно, самый знаменитый и самый сомнительный.

Собственно говоря, речь может идти только о фиктивном тождестве др.-инд. *prahlāda-* "освежение, наслаждение" и русского, а точнее – церковнославянского, *prohlād, prohlāda* "приятная свежесть", каково актуальное значение слова, при старых и областных его значениях (по Далю) "покой, нега, жизнь в довольстве, утеха", хотя, повторяю, слово в русский язык заимствовано, чисто восточнославянский эквивалент представлен в укр. *прохолода* "прохлада". Праславянская форма корня **xoldъ* будет еще дальше, и необходимое историческое тождество отсутствует, поскольку корень древнеиндийского слова имеет совсем другую природу и связи, ср. др.-

инд. *hradá-* "водоем" (KEWA III, 614–615, 618). Остается случайное сходство др.-инд. *prahlāda-* и русск.-цслав. *прохла́да* (KEWA II, 373; Фасмер III, 385), согласимся, по справедливости не удостоенное в новом словаре Майрхофера особой статьи, если не считать типично отсылочной "*prahrāda-*, *prā́ hrādi-*, s.u. *HLĀD*" (Bd.II, S.187).

Нижеследующие случаи, к которым хотелось бы привлечь внимание, как раз принципиально отличаются от случая *prahlāda-*, поскольку представляют собой сложные или производные слова с исторически тождественными образованиями в других родственных языках, и эти исторические тождества как бы подтверждают реальность самостоятельной жизни слов и необходимость их раздельной – не корневой-гнездовой – лексикографической трактовки.

Итак, возвращаемся к началу древнеиндоарийского этимологического словаря Майрхофера:

S.65: *ádman-* см. статью *AD*. Типично отсылочная статья, представляющая шаг назад по сравнению с KEWA I, 30, где дано отдельной статьей *ádma* "пища", ср. греч. инф. ἔδμεναι (= др.-инд. *ádmāne*), литов. мн. ч. *ėdmenys* "Маул", к *átti* 3 л. ед. "ест". Именные соответствия слову *ádman-*, практически проигнорированные в корневой статье *AD* нового словаря, могут быть существенно дополнены этимологическим лексическим соответствием праслав. диал. **ēdmel-mene* в виде др.-русск. *ѣмена* "зерно для еды", русск. диал. *ѣмены*, блр. *ѣме*, *ѣмя*, *ѣмина* "пища, еда" (ЭССЯ, вып. 6, 41–42, там же литов. *edmenė* "съестное", лтш. *ēdmenis, ēdmanis*).

S.91: *abhi* "сюда, к; против; ради, через". В эту статью оказались запрятаны (S.92) важные сложные слова, более удачно выделенные в особые словарные статьи в KEWA I, 41, 42: *abhicara-* "спутник, слуга", ср. греч. ἀμφίπολος "слуга", лат. *anculus* "слуга"; *abhidhānī* "недоуздок", ср. авест. *-a'widāna-* тж. Далее, имеются основания выделять в отдельную словарную статью др.-инд. *abhi-dhā-* "запрягать" (букв. "налагать"), с которым образует глагольно-именную этимологическую пару ст.-слав. *обьдо* ὀψαυρός "сокровище" (о славянском слове см. Фасмер III, 98, без древнеиндийского соответствия).

S.135: *āvi-* "овца, баран"; суффиксальное производное *avikā-* "овечка" (внутри статьи) было бы целесообразнее дать отдельной статьей, имея в виду старые равнооформленные производные в некоторых европейских языках и прежде всего слав. **ovьsa* и кимр. *ewig* "олениха, лань" (**ouīkā*), еще приводимые в KEWA I, 59, s.v. *āviḥ*, но полностью опущенные в новом словаре.

S.202: *ihā* "здесь, сюда, теперь" < **idha*. Индоевропейский фон можно было бы усилить сравнением со слав. **jьde* (см. Verneker I, 418; Фасмер II, 117; ЭССЯ, вып. 8, 206).

S.594: *JIV* "жить". Даже внутри этой корневой статьи мы не встретим упоминания производного *jivaka-* "живой, живущий", которое в KEWA I, 439 не без основания было выделено в особую статью, с привлечением однотипных производных – лат. *vīvāx* "полный жизненных сил", лит. *gyvokas* "живой, оживленный".

S.620–621: *tanū-* "тонкий". Ни здесь, ни отдельно не дано такое важное производное, как *tānuka-* "маленький, тонкий". См. в KEWA I, 474 особую статью *tānukaḥ*, мотивированную хотя бы весомостью внешнего сравнения с новоперсидским *tanuk* "тонкий", ст.-слав. *тънькъ* тж. Оба последних соответствия наличествуют в новом словаре Майрхофера под заглавным *tanū-*; тем загадочнее отсутствие там *tānuka-*

S.698: *DAM* "укрощать, подавлять". И тут мы тоже наблюдаем, как по сути была рассылана особая словарная статья, убедительно выделяющая в KEWA II, 19, судя по всему, старое производное имя деятеля *damitār-* "укротитель" вместе с его четкими

этимологическими соответствиями с их тождественными значениями – лат. *domitor* "укротитель", греч. $\delta\mu\iota\tau\eta\rho$ тж., $-\delta\omicron\mu\iota\tau\omicron\rho$, иллир. *Domator*. То обстоятельство, что некоторые из них мелькают в произвольном порядке внутри упомянутой корневой статьи *DAM*, в значительной степени утрачивает смысл.

S.713: *DĀ¹* "давать, дарить, воздавать". Очень невыразительно присутствие внутри этой типично корневой статьи такой безусловно самостоятельной словарной позиции, как *dā tar-*, *dātār-* "податель, дающий", тем более, что ниже (S.715) автор признает индоевропейский возраст уже для словосочетания *dātā vāsūnām* "податель благ". Поэтому и тут вызывает сожаление отказ автора от практики KEWA II, 30, где дана особая статья *dā tar-*, *dātār-* и сравнение с равнозначными авест. *dātar-*, греч. $\delta\omega\tau\eta\rho$, $\delta\omicron\tau\eta\rho$, лат. *dator*. Сюда же, в конечном счете, слав. **dateľь* (близкая вариантность формантов *-tel-/l-ter-*), см. ЭССЯ, вып. 4, с. 193–194). Столь же оправдана отдельная словарная статья для *dātrā(m)* "дар, подарок" (KEWA II, 32), сравнимого не только с авест. *dāfram*, *dāfra-* "дар, пожертвование", но очевидно, на индоевропейском уровне и с литов. *duoklė*, *duoklė* "подать, дань" (и.-е. **dō-tl-ĭ ā*, с меной *-tl-/l-tr-*). То же следует сказать об упраздненной отдельной словарной статье *dāti-* "дар" (см. KEWA II, 31), ср. авест. *dā'ti-* "выдача, предоставление", слав. **datь* (см. ЭССЯ, вып. 4, с. 196), греч. $\delta\omega\tau\iota\varsigma$, $\delta\omicron\sigma\iota\varsigma$ "даяние", лат. *dōs/dōtis* "приданое, дар", литов. *dūotis* "дар" < и.-е. **dōt-s*. И, наконец, равным образом упраздненная отдельная словарная статья для такого индоевропейского производного, как *dānā(m)* "дар" (KEWA II, 32), ср. лат. *dōnum*, слав. **danь*.

S.728–729: *dīrghā-* "длинный, долгий". Не упомянуто – вероятно, по причине отнесения к более позднему языку – *dīrghatā* "длина", трактуемое в KEWA II, 47 как самостоятельная словарная позиция; ср. слав. **dylgota*.

S.721: *dāru-* "дерево". Из производных от *dru-*, *dāru-* названо и даже выделено в особую статью *drōṇa* "деревянная посуда, кадка" (S.761), но осталось даже не упомянутым (ввиду недостаточной или поздней документации?) *druṇa(m)* "лук" (см. KEWA II, 78), достаточно древнее *-n*-производное с этимологически тождественными обозначениями лука, дуги, радуги в иранском, сюда же слав. **drynь* (русск. диал. *дрын* "палка, дубинка"); все вместе, видимо, еще из и.-е. **drū-no-* "деревянный". См. ЭССЯ, вып. 5, с. 145.

Bd.II, S.26: *nāva-*, см. *nāva-*. Гораздо выгоднее смотрится специальная статья, посвященная этому производному в KEWA II, 145: *nāva(h)* "новый, молодой", тождественное греч. ион. $\nu\epsilon\lambda\omicron\varsigma$, галл. *Nevio-*, *Novio-*, др.-ирл. *nūe*, гот. *niujis*, литов. *naūjas* – все со значением "новый", сюда же лат. имя собств. *Novius*. Понимание весомости этих производных форм, вплоть до готовности допустить, наряду с и.-е. **néu o-* "новый, молодой", также индоевропейскую праформу **néu ĭ o-* – тж., не покидало автора и при написании корневой статьи *nāva-* "новый, молодой" (II, S.25). Тем более непонятен этот регресс в трактовке словника нового словаря сравнительно с KEWA.

II, S.54: *NEJ* "мыть, очищать". Внутри этой обобщеннокорневой статьи можно найти (в несколько разбросанном виде, отчего пропадает самое главное – эффект этимологического родства) все формы, составлявшие особую словарную статью в KEWA II, 158: *nikta(h)* "мытый, очищенный", тождественное греч. гомер. $\alpha\text{-}\nu\iota\lambda\tau\omicron\varsigma$ "немытый", др.-ирл. *necht* "чистый". Речь идет о рано адъективированном причастии, что существенно для суждений о древности образования.

II, S.173–174: *prā* "перед, впереди, прежде, вперед". Это служебное слово, выступающее и первым компонентом многих сложений, трактуется очень сдержанно и кратко, в два с лишним раза короче, чем в KEWA II, 350–353, куда читатель и отсылается, с замечанием, что сложения с *pra-* "нуждаются в сравнительном комментарии",

для чего, как нам кажется, наилучшим способом было бы выделение по крайней мере некоторых из них в самостоятельные словарные статьи, но автор относится скептически к унаследованному характеру внеиндоиранских параллелей этих сложений ("sind schwerlich ererb't", Bd.II, S.174). На этот раз, правда, уже KEWA начал проявлять эту склонность к корневой этимологии, причем любопытно, что в особые статьи там выделены, скорее, те сложения с *pra-*, которые носят специфически индийский характер, без заметного индоевропейского фона, как например, *prakṛti(h)* "основа природа" (KEWA II, 354–355), тогда как ряд других подверстаны под общее заглавное *pra*, несмотря на наличие у них серьезных индоевропейских словообразовательно-этимологических параллелей и оснований для раздельной лексикографической трактовки. Таковы *pra-jñi*- кривоногий" = авест. *fra-šnu-* "у кого колени вперед" = греч. гомер. *πρόχυν* (sc. lic. *πρό-χυν то же; знаки равенства из KEWA II, 351!); *prā-ṇapāt* "правнук", ср. лат. *pronepōs*; *pra-dā-* "отдать, передать, предоставить", ср. греч. *πρόδιδόναι* "передать, выдать", лат. *prō-dō* "передавать, отдавать", слав. **prodati* (русск. *продать* и др.; *pra-vāhā-* "поток", "непрерывное продолжение", авест. *fravāza-* "продвижение", ср. русск. *про-вóz* (Уленбек у KEWA II, 352); *prēti-* "уход, бегство" из *pra-i-* и, в конечном счете, к и.-е. **pro-i-tj o-*, ср. др.-сакс. *frēthi*, др.-в.-нем. *freidi* "беглый" (KEWA II, 353), куда мы можем добавить и слав. **projъti*.

KEWA II, 366 дает отдельной словарной статьей *prabhū(h)* "выдающийся", ср. лат. *probus* "хороший, честный". KEWA II, 372: *prastará(h)* "подстилка", ср. русск. *простор*, что, впрочем, считает результатом независимого развития. Новый словарь довольствуется корневой отсылкой: *prastará-*, s.u. STAR (II, S.187).

Едва ли оказывается прогрессом утрированная корневая трактовка, наблюдаемая сразу в двух статьях – *PRAY* "радовать, улаживать(ся)" (II, S.181–182), где хотя бы названо производное *pretár-* "друг, любовник" (но больше – ничего!), *priyá-* – "милый, желанный" (II, S.189–190), где даны внешние сравнения – гот. *freis*, др.-в.-нем. *frī* "свободный", ст.-слав. *прѣѣти* "проявлять доброжелательство, заботу". KEWA II, 380 сообщает по крайней мере иранское соответствие – авест. *ā-frītar-* "благословитель". Но ведь перед нами образование явно индоевропейского возраста **pre i-ter-i*/**pri i ātel-*, ср. слав. **prijatelj*, др.-в.-нем. *fruidil* "возлюбленный" (см. Фасмер III, 369).

Др.-инд. *plutá-* "залитый, наводненный, плавучий" лишь упомянуто в новом словаре под корневым *PLAV* (II, S.195), тогда как следует говорить о целой серии родственных рано лексикализованных форм part. praet. pass., ср. греч. *πλυτός* "мытый", слав. **plъty* (русск. *плот*), откуда, возможно, лтш. *pluts* (см. KEWA II, 386).

Некоторые упущения могут при этом носить и случайный характер. Так, например, в укрупненной корневой статье *BĀDH* "притеснять, угнетать" (II, S.222) не обращено должного внимания на полезное специальное именное тождество: др.-инд. *bādhā-* "утеснение" – лит. *bādas* "голод" (ср. в этом смысле точнее – KEWA II, 426).

Под заглавным *bhāga-* "благосостояние, счастье, имение, удел" (II, S.239–240) помещены, несколько порознь, такие тяготеющие друг к другу данные, как *su-bhāga-* "имеющий благую часть" и близкое младоавест. *hubaṇa-*, а также слав. **sъbog-* в укр. *збіжжя*, блр. *збóжжэ* (Фасмер II, 84. Так же еще в KEWA II, 458–459. Однако адекватная лексикографическая и этимологическая инвентаризация требовала бы выделения *subhāga-* в отдельную статью, как, разумеется, и в случае с др.-инд. *su-drú-* "хорошее, крепкое дерево", которое запрятано в новом словаре s.v. *dāru-* "дерево" (I, S.721), а в KEWA II, 479 – s.v. *sū* "хороший, добрый"), тогда как полное родство с праслав. **sъdorъvъ*, русск. *здоровый* свидетельствует о наличии еще индоевропейского **su-dru-i*/**su-deru-* и о позиционной самостоятельности др.-инд. *su-drú-*.

Работе Майрхофера над "Этимологическим словарем древнеиндоарийского языка"

предшествовало не только издание "Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка". Годы, истекшие между окончанием одного и началом другого словарного предприятия, были в немалой степени также посвящены размышлениям над предпочтительным типом этимологического словаря вообще, что делает их (эти размышления), естественно, интересными не только для индологов. Поскольку, не зная этих предшествующих авторских исканий, трудно понять манеру выражаться и терминологию предисловия Майрхофера к его новому словарю [1, Bd.I, с. IX] мы должны, очевидно обратиться по крайней мере к двум его специальным работам: [10–11].

Этимологу-словарнику должны быть понятны терзания Майрхофера, и хотя он, если я не ошибаюсь, нигде не говорит буквально о компромиссе (в духе более известного у нас щербианского понимания, что словарь есть компромисс), он думает именно об этом, размышляя о форме словаря, который, с одной стороны, отличался бы практичностью и удобозавершаемостью (*praktikabel und abschließbar*), а с другой стороны, приближался бы к идеальным параметрам этимологического словаря "большекорпусного" языка (*Vorbemerkungen*, S IX). Этот тяжеловесный термин, эквивалент которому в русской терминологии отсутствует и к которому сам автор привыкал не сразу, судя по первоначальному написанию полуслитно, в кавычках – "*Grosscorpus-Sprache*" (1980) и только в последнее время – в одно слово и без кавычек *Großcorpussprache* (1992. *Vorbemerkungen*), все же относительно понятен в силу своей описательности. "Язык большого корпуса" – это язык с богатой письменной традицией (примеры: латынь, древнегреческий, санскрит, в более широком смысле – древнеиндоарийский [10, с. 17]). Термин этот употребляется Майрхофером в совокупности с другими терминами-понятиями. Так, "языками корпуса" являются, в его изложении, языки, представленные в текстах, надписях и т.п. источниках (иначе и не очень точно – "мертвые языки"). Наконец, "языки малого корпуса" – это языки, которые могут наличествовать в относительно крупных текстах, но все же представленные лишь фрагментарно, например, готский, древнеперсидский. К последним примыкают реликтовые языки, дошедшие порой лишь в глоссах, косвенных свидетельствах, личных и местных именах: фракийский, лидийский, мессапский, фригийский [10, с. 16–18].

Реакция на критику своего предыдущего словаря (притом, что эта критика выдвигала подчас взаимоисключающие требования и пожелания), со своей стороны, побуждала Майрхофера сосредоточиться на мыслях об идеальном словаре такого рода, а попросту говоря – на невозможности "угодить всем" ("*es allen recht zu machen*") [10, с. 18]. Особенным же стимулом послужили, как сам Майрхофер признает, внешне "непритязательный рабочий доклад *"Étymologie und Wortgeschichte"* Ю. Унтермана (1975) и переписка с этим кёльнским лингвистом. Унтерман решает дилемму "*étymologie-origine*" и "*étymologie-histoire-des-mots*" в пользу последней и вообще выступает как максималист (что чаще случается именно с людьми, в своей жизни ни одного этимологического словаря – подобно Унтерману, не написавшими). Максималисту нетрудно смутить даже опытного этимолога-лексикографа, имеющего за плечами такую большую словарную практику, как у Майрхофера. Этимолог-словарник и сам постоянно преодолеваем сомнениями – о границах этимологизации, о составе словника. А тут вас припирают к стенке тезисом, сводящим в с ю этимологию к (письменной) истории ("*étymologie-histoire-des-mots*"), звонко закругляя этот тезис утверждением, что этимология "тем самым" ("*damit*") принадлежит к синхронному описанию языка... Правда, при некотором опыте и терпении, это поддается разоблачению все-таки как терминологическая игра, потому что история ("*histoire des mots*") процессуальна, процесс этот не идентичен рамкам письменной традиции, но получает наиболее полное выражение как раз в этимологии ("*étymologie-origine*").

Более существенно, пожалуй, другое требование Унтермана к этимологическому словарю, смутившее Майрхофера. Последний даже, с присущей ему строгостью к себе, чистосердечно кается, что, следуя "старой школе" и веря лишь "дидактике фонетического закона", прежде решительно "выбрасывал за борт" все, что грозило отнять лишнее место [10, с. 13–14]. Тогда как Унтерман пишет (цитирую по Майр-

хоферу, там же): "Этимология делается всегда для отдельного слова, для однажды запечатленной формы с подчиненным ей содержанием. Каждая из этих форм, если она стоит на правах автономного включения в синхронном лексиконе, может также претендовать на автономную позицию в этимологическом словаре... Чем лучше этимологический словарь, тем полнее дает он в качестве заглавных слов синхронно засвидетельствованные единицы лексики (items)..." Майрхофер демонстрирует отличное понимание затронутой Унтерманом проблемы и очень точно указывает при этом как на недостаток лучших этимологических словарей греческого и латинского языков – отсутствие в них самостоятельных словарных статей – (греч.) ἄκτωρ "предводитель" и (лат.) *āctor* "погонщик; лицедей", производных с продуктивным формантом *-tor-* от и.-е. **aǵō* "гнать" [11, с. 13–14]. Этот пример стоит удерживать в памяти хотя бы для того, чтобы правильно оценить аналогичные отмеченные нами выше "невключения" самого Майрхофера. Конечно, Майрхофер знает, что ответить нам на возможный при этом упрек, и он отвечает: "И при этом истолковании умных положений Унтермана меня охватывает неприятное чувство, сто́ит только подумать о массах слов латинского, греческого и – рассуждая ближе к моим интересам (*pro domo*) – древнеиндоарийского..." [10, с. 15].

Рассуждать на тему о том, что каждой синхронной лексеме языка должна соответствовать позиция в этимологическом словаре, легко в случае с готским, продолжает Майрхофер. Все зависит от масштабов и типов письменной традиции, считает он, переходя затем к своей классификации языков под этим углом зрения – большого, малого корпуса и т.д. (о чем уже у нас выше). Очевидно, что великий практик Майрхофер представляет себе лучше, чем теоретик Унтерман, что это такое – перевести в с е самостоятельные позиции большого словарного корпуса в словарные статьи этимологического словаря... [10, с. 22]. На практике от этого приходится отказаться – таково мнение Майрхофера [10, с. 24], – по-прежнему продолжая трактовать слова в составе лексических гнезд (семей), ограничиваясь и при этом "избранными производными", с неожиданной информацией (*unerwartete Aussagen*) по словообразованию, семантике или исторической фонетике.

И в последующие годы Майрхофер лишь укрепился во мнении о неисполнимости того – идеального – типа этимологического словаря великокорпусного языка, который "потребовал бы от издателя двузначной цифры количества томов", а от составителя – обязательства прожить и проработать трехзначное количество лет" [11, с. 147]. Вместе с тем он разумно признает необходимость иметь этот идеал в виду и попытаться – по возможности – к нему приблизиться. Понимает он также и главную свою задачу – создать не словарь индоевропейских корней в древнеиндоарийском, а этимологикон древнеиндоарийского лексического состава [11, с. 152].

Другое дело – насколько удалось реально воплотить эти планы в словарную практику теперь уже наполовину готового словаря и насколько они (планы) остались в области теоретических пожеланий. Ответить на этот непростой вопрос отчасти помогает предпринятое нами параллельное чтение в соединении с некоторым собственным опытом индоевропейской и праславянской лексико-этимологической реконструкции, о котором я скажу также ниже. Прделанная выше процедура все же показала, что Майрхофер на практике стремился к означенному идеалу непоследовательно и предпочел в довольно многих случаях работать с чистыми корнями, а не с реальными словами языка. Отход в эту сторону очевиден даже при сравнении с его первым этимологическим словарем, недостатки которого, как теперь кажется, сам автор сильно преувеличивает. В итоге оказались неоправданно лишенными своих собственных словарных позиций древнеиндоарийские лексемы *ádman-*, *abhicara-*, *abhidhā nī*, *abhī-dhā-*, *avikā*, *jīvaka-*, *gávyā-*, *tánuka-*, *Daṇḍ aka-*, *damitár-*, *dā́tar-lā́tār-*, *dātrá(m)*, *dāti-*, *dāná(m)*, *dīrghatā*, *dravantī*, *druṇa(m)*, *návyā-*, *nikta-*, *pra-jñu-*, *prá-ṇapāt*, *pra-dā-*, *pra-vāhá-*, *préti-*, *prabhū-*, *prastará-*, *pretár-*, *plutá-*, *badha-*, *su-bhaga-*, *su-drú-*. Потенциальной гарантией древности этих производных и сложных слов, как уже

указывалось выше, служат словообразовательные и лексико-этимологические соответствия, параллели в других родственных языках. Нисколько не умаляя такого рода соответствий из других индоевропейских языков (см. о них выше), выделим здесь только славянские, поскольку дальше будет речь идти о близком (славистическом) опыте. В порядке следования приведенного выше индоарийского лексического материала это будут праслав. **ědme/-mene*, **obydo*, **ovъsa*, **тъпъкъ*, **dateljъ*, **datъ*, **danъ*, **dylgota*, **drynъ*, **prodati*, **provozъ*, **projъti*, **prostogъ*, **prijateljъ*, **plътъ*, **szbog-*, **szdorgъ* (прямой чертой подчеркнуты заглавные лексемы уже опубликованных частей ЭССЯ, остальные займут свое место в продолжении словаря). Здесь перед нами производные с индоевропейскими формантами и сложения старого типа: Разумеется, подобные славянско-индоарийские лексико-этимологические схождения не ограничиваются только перечисленными здесь. Можно рассчитывать и на новые результаты поисков, актуальность которых имеет как бы двухсторонний характер, подтверждая потенциальную древность как индоарийского, так и славянского (праславянского) члена пары. В памяти языкознания давно отложились и другие, не менее яркие соответствия такого рода, например, праслав. **ryjantъ* (русс. *пьяный*) и др.-инд. *ruāná-*, *piyāna-* "напоенный". Мы давно работаем с таким материалом. В практике подготовки нашего Этимологического словаря славянских языков, можно сказать, вот уже тридцать лет как место корневой этимологии и гнездового расположения словарного материала заняла этимология лексемы, цельнолексемное соответствие (Ganzlexem-Entsprechung), чем подразумеваются внеславянские параллели. Максимально рассчитанная подача словника [префиксальные и прочие сложения и дериваты, даже групповые лексемы (Wortgruppenlexeme) как регулярные заглавные формы] придают нашему ЭССЯ скорее характер словообразовательно-этимологического, а не традиционно этимологического словаря, причем грань между историческим словообразованием и этимологией, если не стирается, то становится во многом условной. ЭССЯ – словарь праязыка ("словарь-реконструкция", в нашей терминологии), но праязык мы трактуем как живой язык. Это означает, что уже давно мы поняли необходимость перестроить всю систему понятий этимологической лексикографии. Наши ориентиры в чем-то напоминают унтермановские (см. выше), но, в отличие от этого идеального теоретизирования, мы имеем огромную словарную практику, которая не только подтверждает наши искания, но и корректирует их, не позволяя ни на один день забывать о том, что словарь – это компромисс. О масштабах нашей словарной практики дает представление то фактическое обстоятельство, что ЭССЯ доведен в рукописи до *Ni...* (выпуск 23); вышло из печати с 1974 по 1993 гг. девятнадцать (1–19) выпусков; в каждом выпуске – 300–400 и более словарных статей. ЭССЯ, кроме заглавных реконструированных форм (Stichwörter), дает материал соответствий из пятнадцати живых и мертвых славянских языков. Остается добавить, что гораздо полнее и систематичнее эти принципы были изложены в свое время в печатных изданиях [12–14], которые должны быть известны и на Западе. Но... *Rossica non saepe leguntur*¹

¹ Как показывают изложенные краткие сведения о нашем словаре, эффект словаря "Großcorpussprache" здесь налицо. Больше того, здесь, пожалуй, целесообразно говорить о "словаре-левиафане" ("Leviathan-Wörterbuch") с особо большим словником (Wortindex). К тому же, словник этого словаря не дан нам в непосредственном наблюдении, как это имеет место в словаре языка сколько угодно большого корпуса. В нашем словаре применяется как бы *двухступенчатая модель реконструкции*: 1) сначала отбираются (реконструируются) праславянские словники для каждого из пятнадцати отдельных славянских языков; 2) только затем – путем слияния этих частных праславянских словников – получается единый словник праславянского языка и его диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Lf. 1–13. Heidelberg, 1986–1993.
2. *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I–III. Heidelberg, 1956–1976.
3. *Bader F.* – BSLP. 1990. T. LXXXV. fasc. 2. P. 94: Rec.: *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen.
4. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 76, 168.
5. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. II. Тбилиси, 1984. С. 523–524, 867, 872.
6. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. М., 1981. С. 149.
7. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 6. М., 1979. С. 113–114.
8. *Трубачев О.Н.* О синдах и их языке // ВЯ. 1976, № 4. С. 62.
9. *Трубачев О.Н.* Об одном случае глагольного супплетивизма: праслав. **-něti* "нести, принести" // В чест на акад. Вл. Георгиев. Езиковедски проучвания. София, 1980. С. 273–274.
10. *Mayrhofer M.* Zur Gestaltung des etymologischen Wörterbuches einer "Grosscorpus-Sprache". Wien. 1980.
11. *Mayrhofer M.* Überlegungen zu einem neuen etymologischen Wörterbuch des Altindoarischen // Das etymologische Wörterbuch. Fragen der Konzeption und Gestaltung // Hrsg. von Bammesberger A. Regensburg, 1983.
12. [*Трубачев О.Н.*] Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963. С. 9, 21, 25, 29.
13. *Трубачев О.Н.* Работа над Этимологическим словарем славянских языков // ВЯ. 1967, № 4. С. 34 и сл.
14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. Трубачева О.Н. Вып. I. М., 1974. С. 3 и сл. От редактора.